

© Т. Е. Водоватова, 2022

Самарский университет государственного управления

«Международный институт рынка»

(Университет «МИР»), Россия

E-mail: vodovatovaimi@mail.ru

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ «НЕИСКРЕННОСТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена определению особенностей функционирования и лингвистическим способам воплощения социолингвистической категории неискренности в англоязычной политической коммуникации. Неискренность рассматривается в качестве категории, реализуемой в двух функционально-семантических разновидностях — собственно неискренности и уклонения от ответа. Анализ англоязычных политических текстов позволил установить коммуникативные цели неискренности и уклонения от ответа в политическом общении, используемые при этом коммуникативные стратегии, а также способы языкового воплощения этих стратегий.

Ключевые слова: неискренность, уклонение от ответа, политическая коммуникация, коммуникативная цель, коммуникативная стратегия.

Проблема неискренности находится в русле актуального на сегодняшний день направления исследований — семантики текста. Интерес к изучению содержательной стороны текста обусловлен уникальным свойством текста, в основе которого лежит способность языка к самоорганизации, называемым «неаддитивностью», то есть несводимостью содержания текста к сумме значений составляющих его языковых компонентов. Наибольшую важность в связи с этим приобретают проблемы функционирования в текстах имплицитных и приращенных смыслов, информативности и неинформативности, искренности и неискренности, то есть такой семантики, которая не определяется только лексическими и грамматическими значениями языковых средств, используемых в данном речевом произведении.

Целью данной работы является определение особенностей функционирования категории неискренности в современном англоязычном политическом общении.

Предмет исследования — неискренний дискурс, функционирующий в современных англоязычных политических текстах (*объекте исследования*).

Понятие «неискренность», которое является ключевым объектом нашего изучения и понимается как сознательное искажение известной субъекту истины, представляет собой явление прежде всего психическое, поскольку является осознанным выбором человека, и одновременно социальное, поскольку направлено на другого индивида, а также лингвистическое, так как представлено в виде продукта речевой деятельности и находит проявление на уровне высказываний, функционирующих в разнообразных текстах. Такого рода высказывания в разных ситуациях общения, в разном языковом окружении образуют в совокупности неискренний дискурс.

Понятие неискренности по своему содержанию в полной мере соответствует понятию лжи, обмана, а неискреннее высказывание — это синоним лживого высказывания. Однако наиболее часто используемым для обозначения подобного рода явлений термином является термин «неискренность/неискренний» ([1, 2, 3] и др.).

Содержательно неискренность представляет собой субъективную интерпретацию действительности, являющуюся объектом общения; она является неременной коммуникативной категорией, необходимой для организации процесса общения в соответствии с той или иной коммуникативной целью. Неискренний дискурс может функционировать в различных текстах, при этом некоторые их виды представляют для него наиболее естественную среду. Таковую языковую среду составляют в том числе политические тексты, лингвистическая природа которых определяет необходимость использования в них неискренности. Использование неискренности в политических текстах обусловлено присущей этим текстам интенцией манипулировать общественным мнением в выгодном автору направлении — самопрезентации и/или дискредитации оппонента.

Неискренность, как представляется на первый взгляд, является нежелательным свойством общения. В самом деле, использование лживых высказываний находится в прямом противоречии с постулатами общения, а именно, принципом вежливости Дж. Лича и принципом кооперации Г. Грайса.

Принцип вежливости Дж. Лича определяет необходимость доброжелательного отношения говорящих друг другу и соблюдения в процессе общения максим такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии [4]. Нет сомнений, что взаимная вежливость способствует созданию благоприятной для общения атмосферы.

ры. Но вежливость не предполагает искренности; вполне можно лгать своему собеседнику и быть при этом предельно вежливым.

Принцип кооперации Г. Грайса, который определяет порядок совместного оперирования информацией собеседниками, и его максимы: полноты информации, качества информации, релевантности, манеры [5] — непосредственно связаны с использованием неискренности в процессе общения. В самом деле, максима полноты информации, указывающая, что высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется для целей данного акта общения, нередко нарушается неискренностью, которая в целях маскировки облекается в форму демагогии, то есть представления обильной, не относящейся к делу информации. Максима качества информации, требующая не говорить того, что считаешь ложным, напрямую, как видим, запрещает использование неискренних высказываний. Максима релевантности предполагает при общении не уклоняться от темы; эта максима нарушается в таких неискренних высказываниях, которые используют тактику ухода от ответа, когда говорящий не может или не хочет сказать правды, но и не может просто промолчать. Наконец, максима манеры предполагает ясность изложения. Демагогия, «расцвеченная» красивыми, но непонятными выражениями, сложными, но бессвязными конструкциями, является прямым нарушением этой максимы.

Таким образом, неискренность непосредственным или опосредованным образом обуславливает нарушение принципов эффективного общения. Однако это не означает, что она непременно приводит к сбою в коммуникации. Эффективность или неэффективность общения определяется не искренностью или неискренностью участников общения, а исключительно успешностью (или, соответственно, безуспешностью) реализации коммуникативной цели. Именно неискренность может служить средством достижения той или иной коммуникативной цели.

Существуют, хотя пока немногочисленные, исследования лжи с точки зрения ее лингвистических свойств. К ним относятся исследования Н. Д. Арутюновой [6], С. Н. Плотниковой [1], Й. Кубиновой [7], Н. В. Андрюхиной [8], Дж. Остина [9], Дж. Серля [10] и других, в которых изучаются прагматические и лингвистические характеристики ложных высказываний.

Особо следует отметить упомянутую работу С. Н. Плотниковой, в которой представлен методологический принцип описания неискренного дискурса, применяемый и в настоящей работе, и работу Н. В. Андрюхиной, в которой исследуются лингвистические свойства

англоязычного политического неискреннего дискурса. В последней в качестве неискренних рассматриваются высказывания, в которых имеет место искажение действительности, и оставляются за пределами исследования высказывания, не содержащие прямого искажения действительного положения дел, но являющиеся уклонением от ответа. Полагаем, что уклонение от ответа представляет собой несомненное проявление неискренности говорящего, оно маркировано языковыми средствами горизонтального контекста и данными, предоставляемыми вертикальным контекстом, а значит, выявляется процедурами лингвистического анализа, и по этой причине не должно игнорироваться при изучении категории неискренности.

Источником фактического материала в нашем исследовании являются тексты современных британских и американских политиков, которые подверглись изучению с использованием метода семантического анализа текста. Неискренний характер дискурса устанавливался на основе сравнения сведений, содержащихся в приводимом высказывании, с данными официальных источников, таких как сайты www.politifact.com или www.factcheck.org.

Рассмотрим примеры неискренних высказываний в названных текстах.

Например, один из политиков, пытаясь убедить сотрудников ЦРУ, что настроен по отношению к ним вполне дружелюбно, произносит следующее: «*I respect the service of our great men and women in the intelligence community*». Высказывание, однако, является неискренним, поскольку, по данным СМИ, аудитории хорошо известно, что политик достаточно жестко критиковал ЦРУ за распространение ложной информации о вмешательстве России в процесс выборов в США. Неискренность заключается в намеренном искажении действительного положения дел. Искажение действительности происходит на уровне пропозиции высказывания за счет трансформации действия: реальное действие «не уважать, не одобрять» заменяется действием «уважать». Чтобы выглядеть искренним, автор использует максимально выразительные языковые средства, в частности, экспрессивно-оценочную номинацию своих собеседников, называя их «отличными ребятами», а чтобы его высказывание звучало совсем безупречно, не забывает о политкорректности, указывая на гендерное разнообразие сотрудников.

Обратимся к пропозициям, в которых неискренний дискурс реализуется за счет искажения сирконстант. Для этого рассмотрим пример, в котором политик утверждает, что за время его пребывания на посту президента 4,2 млн американцев перестали пользоваться

продуктовыми карточками для малоимущих: «*Very importantly, we've lifted 4.2 million Americans off of food stamps*». На самом деле это событие затронуло 3,2 млн человек, таким образом, в высказывании реализуется категория неискренности. Неискренность проявляется на пропозициональном уровне высказывания. Ложная пропозиция формируется за счет искажения одного из ее семантических компонентов, а именно, сирконстанты: указывается завышенное количество американцев, освободившихся от необходимости пользоваться продуктовыми карточками и, следовательно, серьезных финансовых проблем. Языковое оформление высказывания и прежде всего наличие прецизионной информации способствует высокой степени убедительности оратора. Автор мог бы и не указывать точное количество вовлеченных в ситуацию людей; он сделал это исключительно с целью убедить слушателей в позитивном развитии ситуации с бедностью и своей ключевой роли для повышения благосостояния народа. Тематическая организация высказывания, когда на первый план выдвигается и таким образом содержательно акцентируется фраза «Особенно важным является то, что ...», преследует ту же цель — подчеркнуть значимость политика и его успехи в решении экономических задач. Самопрезентация здесь сочетается с дискредитацией оппонента, так как имплицитно подразумевается, что предыдущие руководители с этими задачами справиться не смогли.

Нередко неискренний дискурс присутствует в диалогических жанрах политического интервью и политических дебатов, в которых категория неискренности принимает несколько иной характер. Рассмотрим это на примере диалога журналиста (AN) и британского политика (PM), в котором высказывание PM представляет собой ответ на вопрос AN о том, почему число поддерживающих политика избирателей уменьшилось.

AN: Prime Minister, you started this campaign with a huge double digit lead in the polls, it's now down to single digits in some polls. What's gone wrong?

PM: Well, Andrew, there's only one poll that counts in any election campaign, as I'm sure you know from your long experience, and that's the one that takes place on the 8th June when people have actually cast their votes, where they've made that choice, which is a crucial choice. I think this genuinely is the most crucial election I've seen in my lifetime, because it's about getting Brexit negotiations right, getting the right deal for Britain from Europe, and going beyond that, a plan for a stronger Britain for the future. And I believe that I've set out my vision for that strength in negotiations and that stronger plan. And the choice is who's going to be doing those negotiations, me or Jeremy Corbyn.

Для любого политика, борющегося за какой-либо пост, вопрос о его недостатках невыгоден. В такой ситуации, желая скрыть неудобность вопроса, политики часто прибегают к неискренности, которая здесь заключается не в искажении фактов, а в уклонении от ответа и желании скрыть от окружающих запрашиваемую информацию. Для того, чтобы уклониться от ответа и при этом не «потерять лица», политик использует стратегию демагогии, приводя массу не относящейся к вопросу информации: и выход Британии из Европейского союза, и что вообще ждет Британию в будущем, и как сложен ход переговорных процессов, не забывая, однако, при этом представлять самого себя в наилучшем свете.

Рассмотрим следующее высказывание, в котором журналист задает политику вопрос о том, сколько британцам придется платить за социальное обеспечение.

AN: ...can you give us an idea of what the cap might be, the amount we'll have to pay for social care?

PM: What we're going to do, as we said in our manifesto, is publish – we referred to a Green Paper, of course the Green Paper, many people may not realise a Green Paper is a consultation, so we want to take people's views, the views of charities, the views of others on how the system should be operating. What I've said today is that we will have within that consultation that concept of an absolute limit on the cost that people have to pay. So we're protecting people for the future and we're providing a system that provides sustainability in our social care for the future. And we've got an aging population, we need to do this, otherwise our system will collapse.

Не может быть, чтобы политик не понял вопрос, однако высказывание *PM* четкого ответа на вопрос не содержит, поэтому логично предположить, что говорящий намерен скрыть стоимость социального обеспечения, то есть его высказывания содержат неискренность. Для того чтобы затушевать неискренность, политик прибегает к приему смены темы, вводя в ситуацию общения дополнительные референты *we* и *Green Paper* (официальный документ правительства Великобритании, призванный инициировать обсуждение того или иного вопроса) и, повторяя их несколько раз, фокусирует на них внимание реципиентов, тем самым отвлекая их от первоначального вопроса и создавая у них иллюзию, что они могут повлиять на стоимость социального обеспечения. Далее политик переключается на себя и утверждает, что предупреждал о необходимости контроля нефти. Таким образом, происходит смена темы, игнорирование «неудобного» вопроса журналиста и презентация себя в качестве мудрого и компетентного политика.

Приведенные рассуждения и анализ языковых примеров позволяют сформулировать следующие заключения.

Категория неискренности является неотъемлемым компонентом англоязычной политической коммуникации. Необходимость этой категории обусловлена ключевыми коммуникативными целями, присущими политическим текстам, — самопрезентации и дискредитации оппонентов.

В политических текстах категория неискренности реализуется в двух функционально-семантических разновидностях: собственно неискренности и уклонения от ответа, первая из которых представляет собой ложь «в чистом виде», в то время как вторая разновидность лжи как таковой не содержит, но, так же как и первая, имеет целью ввести собеседника в заблуждение либо оставить его в неведении относительно обсуждаемых вопросов. Намеренное и целенаправленное уклонение от ответа является, таким образом, вариантом инвариантной семантики неискренности.

Для реализации категории собственно неискренности говорящим используется стратегия создания ложных сценариев и, в результате, создания у реципиентов ложной картины мира. Языковым средством воплощения названной стратегии являются искажения пропозициональной структуры высказываний за счет трансформаций ее семантических компонентов, а также тема-рематической организации высказывания.

Категория уклонения от ответа по понятным причинам реализуется в основном в диалогических жанрах политического дискурса — таких как политическое интервью или политические дебаты. Стратегиями, используемыми для реализации этой категории, являются демагогия и смена темы. Названные стратегии получают языковое воплощение на уровне различных лексико-грамматических средств.

Для создания как собственно неискренних высказываний, так и высказываний — уклонений от ответа политиками используются стратегии экспрессивности и эмоциональности. Это делается за счет разнообразных лингвостилистических приемов с целью придания большей убедительности своим высказываниям, создания собственного положительного имиджа и дискредитации оппонентов.

Литература

1. Плотникова С. Н. Лингвистические аспекты выражения неискренности в английском языке: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / С. Н. Плотникова. Иркутск, 2000. 382 с.

2. Шаховский В. И. Ложь (вранье) как речевой жанр (к теории жанрообразующих признаков) // Жанры речи. 2005. № 4. С. 218-241.

-
3. Ленец А. В., Радищева В. О. Концепт «Lüge» (ложь) в немецкой лингвокультуре // Научная мысль Кавказа. 2012. № 4 (72). С. 137-140.
 4. Leech G. Principles of Pragmatics. L., N-Y.: Longman, 1983. 273 p.
 5. Grice H. P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. 1975. Vol. 3. P. 41-58.
 6. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. 202 с.
 7. Кубинова Й. Речевая интенция «ложь, обман» в семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Й. Кубинова. М., 2002. 177 с.
 8. Андрюхина Н. В. Неискренний дискурс в англоязычных политических текстах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. В. Андрюхина. Самара, 2020. 229 с.
 9. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22-129.
 10. Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 151-169.

*Статья поступила в редакцию 08.09.22 г.
Рекомендуется к опубликованию членом Экспертного совета
канд. социол. наук, доцентом Т. П. Карповой*